

Королевская опера Британии и ее новый главный дирижер

Антонио Паппано: «В «Ковент Гарден» возвращаюсь как домой»

Андрей Хрипин
Лондон-Москва

Королевская опера "Ковент Гарден" в Лондоне обновляется. Недавняя реконструкция преобразила театр в красивый и комфортабельный оперный комплекс, оснащенный по последнему слову техники. Новые стены, само собой, подразумевают и новую творческую атмосферу. С этого сезона преемником Бернарда Хайтинка на посту музыкального директора "Ковент Гарден" стал 43-летний англоамериканец итальянского происхождения Антонио ПАППАНО, заслуживший в предыдущие десять лет мировое реноме не только в качестве главного дирижера бельгийской оперы "Ла Монне" в Брюсселе, но и серией оперных записей на фирме EMI. Оперная карьера Тони, как везде ласково называют Паппано, определилась незаметно для него самого, когда в 12 лет он стал аккомпанировать ученикам своего отца, вокального педагога по призванию. Его официальный оперный дебют состоялся в 1987-м в Осло, и это была "Богема", с которой, кстати, маэстро тремя годами позже дебю-

С какими ощущениями вы переступаете пороги "Ковент Гарден" в новом для себя качестве музыкального директора?

— С большим удовольствием. Возвращаюсь сюда как домой. Но смаковать радость особого времени нет. 1 августа я впервые вошел в свой рабочий кабинет, и в этот же день начались репетиции "Ариадны", с которой мы начинаем сезон в сентябре. С другой стороны, даже хорошо, что работа началась сразу — это самый удобный случай познакомиться с людьми, почувствовать атмосферу театра и плавно войти в новый коллектив. Я восхищен архитектурой здания и технической оснащенностью внутри — сегодня, после реконструкции, возможности "Ковент Гарден" поистине безграничны. Ну а о том, что в руки ко мне попал изумительный инструмент, о котором можно только мечтать, и говорить нечего: это блестящий оркестр, прекрасный хор, лучшие солисты со всего света, квалифицированный технический персонал. Все на высшем креативном уровне. Возможно, мы не имеем так много времени на репетиции, как принято в других театрах, но профессио-

Паппано дирижирует.

что сидят в темноте в состоянии тревожного ожидания, у нас это называется "саспенс" (suspense). А мы со сцены и из оркестровой ямы пытаемся в чем-то их убедить и чем-то зачаровать. Это какая-то магическая иллюзия. Призрак оперы способен проникнуть в каждого.

— Означает ваш контракт с "Ковент Гарден" то, что все ваши контакты с другими театрами, а также симфоническими выступлениями с другими оркестрами будут сведены к нулю?

— Да, я не буду дирижировать оперой вне Лондона, во всяком случае два ближайших сезона. Я отказался также от всех иных своих административных обязанностей. Полностью отдаюсь "Ковент Гарден" и намерен посвящать ему семь месяцев ежегодно. Достаточно разнообразный план спектаклей, достаточно много записей на EMI.

— Расскажите о своем музыкальном происхождении, о ваших учителях в жизни и в профессии.

— Я родился неподалеку от Лондона, в Эппинге, потом мы (мама, папа, я и мой брат) жили в Вестминстере и Клэпхеме, а в 1973-м, когда мне было 13, наша семья переехала в США, штат Коннектикут. Мой отец был певец, тенор, но большой карьеры в опере не сделал — пересилило призвание к педагогике. Вместе с мамой они преподавали вокал сначала в Миланской консерватории, а потом везде, где жили. В шесть с половиной я начал играть на пианино и каждый день с утра до вечера слушал папиных учеников, а вскоре стал им аккомпанировать. Наш семейный педагогический "бизнес" с моим участием продолжался и в

Америке, в общей сложности около 12 лет. Я освоил большой репертуар и все теноровые партии отца. Так что моя участь определилась достаточно рано. Пожалуй, решающее влияние оказал на меня Даниэль Баренбойм, у которого в течение шести лет я был ассистентом в Байрейте. Если бы не он, не знаю, удалось ли бы мне применить свои силы в опере так, как это случилось, или нет.

— Какие русские оперы вам довелось поставить?

— "Леди Макбет Мценского уезда" Шостаковича в Брюсселе и "Евгений Онегин" в "Метрополитен". Получил громадное удовольствие от работы с русскими певцами Анатолием Кочергой и Владимиром Черновым. И очень сожалею, что в свое время замечательную постановку "Хованщины" в "Ла Монне" осуществил не я. Очень люблю русскую оперу и русский язык, хотя и не говорю на нем. Это трудная, но невероятно увлекательная работа — вникать в тайны другой культуры. Вокальная фраза в русской опере развивается по горизонтали, то есть почти так же, как в итальянской — начните хотя бы с Глинки и дойдите до Чайковского.

— Будет ли представлена русская опера в "Ковент Гарден"?

— Конечно. В следующем сезоне я планирую новую постановку "Леди Макбет...", а Семен Бычков приглашен на "Бориса Годунова".

— Что вы думаете о русских певцах в итальянском репертуаре?

— Материал фантастический, а выделка часто нулевая. Только что я записал для EMI "Трубадура", где в главных партиях Ро-

берто Аланья и Анжела Георгиу, а Азучену поет Лариса Дядькова, и скажу честно, она меня восхищает, с ее стороны все было здорово. Но это скорее исключение. Если на репетициях я прошу русских певцов сделать, предположим, "пиано" в нужных местах, они говорят "да, маэстро, да" — и вроде бы все получается. Но на спектакле, когда я уже не могу их поправлять, они не делают ничего, кроме громкого звука, — закрываются, начинают думать только о вокале, забывая о драме и смысле слов. Их общий минус — недостаток гибкости. Временами вместо отклика чувствуется просто стена. Я говорю сейчас плохие вещи, это горько, но правда. Русские по настоящему великолепны в своем родном репертуаре. Но я ни в коем случае не хочу сказать, что русские все до одного такие. Есть и такие прекрасные исключения, как Гулегина, Ларин, Галузин, Кочерга, Лейферкус. Из тех, с кем я хочу и буду работать, назову еще Дмитрия Хворостовского и Ольгу Бородину.

— Много времени вы проводите в студии. Чем вас привлекает звукозаписывающий бизнес? Или это все-таки искусство?

— Это искусство в соединении с бизнесом — по-моему, очень современно. Я счастлив, когда работаю в студии, меня восхищает сам процесс конструирования оперы. В живом спектакле, конечно, больше непосредственности и энергетики, но только в студии можно так интересно поэкспериментировать со звуком и тембром. Только здесь возможен повтор, поиск совершенства, а в спектакле зачастую много незапланированных случайностей. Короче говоря, я — фанат студийной записи. Но это дорогое удовольствие во всех смыслах. Проблема еще и в том, что с начала эры звукозаписи каждый большой дирижер считал своим долгом записать все популярные оперы — в результате сегодня мы имеем, я бы сказал, дуперсатирирующее громадное количество. Вы приходите в магазин, и на вас смотрят двадцать разных "Кармен" и столько же "Трубадуров": какое исполнение выбрать? Где гарантия, что выберут твое?

— В Москве возобновляется традиция гастролей зарубежных оперных театров, вот приезжала Римская опера с "Тоской". Возможен ли визит "Ковент Гарден" в Россию?

— Было бы здорово, но финансово это очень трудно.

Общий минус русских певцов — недостаток гибкости

тировал и в "Ковент Гарден". Со своей первой постановки Паппано больше не дирижировал, даже после подписания контракта в 1999-м. Для своей инаугурации маэстро выбрал немецкую музыку — две оперы XX века. Сентябрьской премьерой оперы "Ариадна на Наксосе" Рихарда Штрауса "Ковент Гарден" открыл новый сезон, а уже в октябре Паппано выпустит "Войцека" Берга. Мы встретились с Тони за несколько дней до открытия сезона. При первом впечатлении маленький человечек с чаплинской жилкой излучает симпатию и тепло, но сквозь немного грустную улыбку ощущается, что это человек дела и жестких принципов.

нальные традиции Королевской оперы позволяют нам делать все быстрее.

— Призрак оперы за этот месяц вас еще не беспокоил? Дмитрий Хворостовский, например, засвидетельствовал мне, что в таких "древних" театрах, как "Ковент Гарден" или "Ла Скала", он кожей чувствует нечто витающее в воздухе и что в новых театрах вроде "Метрополитен" энергетика несравнимо чище.

— Любимый оперный театр просто обязан иметь своих фантомов — так уж повелось, по крайней мере в Европе. И не столь важно, старый театр или новый. Театр — это таинственное место, где не должно быть светло, где огромное количество людей независимо от уровня их интеллекта получают удовольствие от того,

Паппано Шостаковский

25.10.02.